

I N G R I D N O L L

И **НОЛЛЬ** Д

*даю тебе
честное слово*

«Ее территория – это незанятое пространство между детективом и семейной драмой, между женским романом и домашним хоррором».

Der Spiegel

Ингрид Нолль

Даю тебе честное слово

«ЭКСМО»

2010

Нолль И.

Даю тебе честное слово / И. Нолль — «Эксмо», 2010

ISBN 978-5-699-75662-9

Больше всего на свете Макс любил бабушкин пудинг. Форма для пудинга в виде рыбы висела в кухне, и молодой человек всякий раз глядел на нее с ностальгией. Когда же он узнал, что под формой дед прячет ключ от сейфа с деньгами, его теплые чувства стали еще сильнее – ведь каждый раз, навещая старика, Макс прихватывал несколько купюр. Когда же дед вынужден был переехать к сыну, выяснилось, что никто, кроме внука, его не любит. Отец Макса вел себя с отцом как трудный подросток, невестка и вовсе мечтала о смерти свекра. Внук и дед стали настоящими друзьями. И никто, кроме Макса, не знал, что в горшке с цветком на балконе старик прячет пистолет, оставшийся еще со времен Второй мировой войны. А любое оружие, по законам драматургии, в какой-то момент должно выстрелить. И конечно, дедушкин пистолет выстрелил. И конечно, ничего хорошего из этого не вышло...

ISBN 978-5-699-75662-9

© Нолль И., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

I	6
2	11
3	16
4	21
5	26
6	32
7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ингрид Нолль

Даю тебе честное слово

Моей сестре Уте
1939–2010

Ingrid Noll

Ehrenwort

Copyright © 2010 by Diogenes Verlag AG Zurich, Switzerland.

All rights reserved

© Духанин А., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

I

– Голову или хвост? – всякий раз спрашивала бабушка, когда опрокидывала на стол ванильный пудинг, запеченный в формочке, и тут же начинала его делить на всех. А поскольку Мицци всегда опережала с ответом младшего брата, то хвост неизменно доставался Максусу. С детской безжалостностью Мицци расписывала все, что лежало перед ним на тарелке. Макс не оставался в долгу и пудрил ей мозги аналогичным образом: в частности, утверждал, что у нее во рту определенно сидит червяк и тарасится оттуда рыбьими глазами! Родители и бабушка с бабушкой никак на это не реагировали – детские препирательства не портили аппетита.

После смерти бабушки рыбой больше не пользовались, однако формочка по-прежнему висела на кухне. За это время Макс пронюхал, что за ней скрывалось: на гвоздике висел ключ от сейфа, привинченного к задней стенке глубокого кухонного буфета. И сейчас Макс, бывая в этом доме, всякий раз вспоминал вкусный бабушкин ванильный пудинг, пахший корицей, яблоками и лимоном. Сейчас дом пахнул иначе. Овдовевший дед очень редко проветривал помещения и все время курил.

С тех пор как Макс получил водительские права, на него легла основная ответственность за деда. Внук менял перегоревшие лампочки, постригал траву и выполнял прочие нехитрые поручения, в частности, отвозил на почту письма, если их нужно было отправить по авиа. Ему даже пришлось лично похоронить умершую от старческой слабости кошку. Со временем обязанности только расширились. После очередного выполненного задания старик, как правило, благосклонно кивал, доставал из-под формочки в виде рыбы ключ от своего ларца с драгоценностями и вытаскивал из толстой банковской пачки одну бумажку. В банк он ходил редко и потому всегда брал наличные крупными суммами.

Дед частенько любил повторять крылатое латинское выражение «resunia non olet», смысл которого открылся Максусу лишь со временем. Зато теперь он и сам убедился, что деньги не пахнут.

Макс дожидался вознаграждения на зеленом диване, который стоял на кухне столько, сколько он себя помнил. Бабушка долгие годы делила его с кошкой, которая любила поточить когти о мохеровую обивку, отчего диван в конце концов стал похож на газон. В детстве посещение дома бабушки и дедушки было настоящим приключением, но со временем превратилось в обязанность или, лучше сказать, в способ выгодно подзаработать.

Дед всегда старался понравиться внуку и разговаривал с ним в доверительном тоне, несмотря на то что его язык давно вышел из моды.

– Парень, хочешь, верь, хочешь, не верь, но когда-то и меня считали отчаянной головой типа тебя, и твоя бабушка была крутой телкой!

Макс хорошо помнил пожелтевшее фото, изображавшее отчаянную голову с крутой телкой. Вилли в униформе, Ильза в национальном костюме. Он – строгий и статный, она – мечтательная и какая-то домашняя. Оба стройные и рослые.

Дед обычно тайком – чтобы не увидели другие мужчины – совал ему по сто евро на бензин и сигареты. К девятнадцати годам Макс совершенно завязал с курением, но деду об этом знать было необязательно.

Впрочем, однажды денежный ручеек чуть было не пересох:

– Макс, твоя мать сказала, что ты уже год как не куришь!

Макс покраснел и стал заикаясь оправдываться:

– Матери не всегда все знают...

Старик с пониманием ухмыльнулся, однако денежку вынимать не стал. И это случилось именно в тот день, когда Макс с грехом пополам подрезал пожелтевшие и твердые, будто камни, ногти на ногах деда.

По фатальной случайности Макс именно тогда очень рассчитывал на эту сумму: ему было нужно точно в срок вернуть должок одному безжалостному типу. Макс вышел из дедовского дома в полном разочаровании, но напоследок еще раз обернулся. В голову пришла спасительная мысль. В конце концов, кому, как не ему, знать все дедовские уловки?

Вот уже два года у Макса был свой ключ от входной двери. Дед обычно не слышал, когда внук входил, а если бы и услышал, то всегда можно было придумать что-нибудь в оправдание. В гостиной как всегда невыносимо громко работал телевизор. Макс снял с гвоздя ключ, открыл сейф и извлек необходимую сумму.

Спустя месяц мать с озабоченной миной рассказала, что дедушка уволил свою фрау Кюнцле. Новость Макса не слишком удивила, так как в последнее время жилище деда стало напоминать свинарник. Однако следом выяснилось, что домработница будто бы украла деньги. Мать, разумеется, не могла в это поверить. По ее мнению, старик сам куда-нибудь засунул деньги и забыл, а потом несправедливо обвинил женщину.

– В домах престарелых такое случается чуть ли не каждый день, – пояснила она. – Пенсионеры то не могут найти какое-нибудь украшение, потому что сами засунули его под матрас, то потеряют фотографии, письма или наличные и не могут вспомнить, куда последний раз их упрятали. Персонал привыкает к подозрениям и наветам, но фрау Кюнцле, провозившаяся с дедушкой и бабушкой многие годы, была обижена до глубины души.

Были бы у Макса эти деньги, он бы тайком вернул их на место.

Мать продолжила:

– В самое ближайшее время нам надо будет что-нибудь придумать.

– Наймем польку? – предложил Макс.

– При его-то предрассудках по отношению к иностранцам? Но ты можешь сделать доброе дело, – сказала она и пододвинула ему пятидесятиевровую бумажку. – Отвези ему коробку с бельем. Может быть, ты сможешь почаще ему помогать?

– Надо бы побелить стены, – робко предложил Макс, предвкушая выгодный заказ.

Однако его мать посчитала, что это лишнее. Главное – не оставлять дедушку в одиночестве, одному ему теперь трудно.

– Ладно, – согласился Макс, – тогда я поселюсь в комнате Мицци.

Мать в ответ лишь улыбнулась:

– Не забудь только поставить в известность отца!

Отец все еще не терял надежды, что его дочь вернется в родительское гнездо.

В 1975 году дед к серебряной свадьбе подарил бабушке шубу, правда, не новую. В то время как раз в народе ходила неудачная острота: «Если один из нас умрет, то я перееду на Майорку». Острота особенно нравилась женщинам, поскольку они, как правило, переживали своих мужей. Вилли в принципе не могло прийти в голову, чтобы в преклонном возрасте оставить родину и к тому же перестраиваться на чужой язык. Точно так же он и думать не хотел, что его Ильза может уйти из жизни раньше его. В конце концов, она была младше на пять лет и всегда отличалась крепким здоровьем. Во всяком случае, он в это верил. И вера сыграла с ним жестокую шутку: жена умерла в полном одиночестве. По-видимому, Ильза пролежала на холодном кафельном полу в одной ночной рубашке трое суток, не в силах ни пошевелиться, ни позвать на помощь. А в это время супруг отмечал встречу с одноклассниками – последними, кто еще был в состоянии передвигаться. Вернувшись домой, он нашел жену мертвой.

В то время дед еще находился в достаточно хорошей форме, чтобы путешествовать самостоятельно. Сегодня он бы на такое не решился – и вообще недоумевал, отчего в последние годы так сильно постарел. Такое случается с мужчинами, когда у них неожиданно умирают жены. Их нельзя было назвать идеальной парой: он всегда мечтал иметь жену, отвечающую его

интеллектуальным запросам. И все же он никогда не жаловался на судьбу. У Ильзы были другие достоинства. Она была мягкой по натуре, никогда не повышала голоса, и тем более с ее уст никогда не срывались неприличные выражения. После полувека совместной жизни семейные пары так или иначе большую часть времени проводят молча – все-таки это лучше, чем браниться. Однако Вилли с Ильзой во многих отношениях замечательно подходили друг другу. Она так и не получила водительские права, не умела заполнять формуляр денежного перевода и не имела понятия о размере своей пенсии. Вилли регулярно выдавал ей определенную сумму на хозяйство, и жена была этим довольна. Напротив, Вилли не умел ни готовить, ни гладить и не утруждал себя общением со множеством соседей, с которыми Ильза на протяжении многих лет поддерживала хорошие отношения.

После смерти бабушки старик научился засовывать полуфабрикаты в специально приобретенную по этому поводу микроволновку и освоил приготовление чая и кофе. И очень сожалел, что больше не продают консервированную курицу – как в первые послевоенные годы, – которую он считал единственным годным американским изобретением. Откроешь, бывало, огромную банку такой курицы, студенистое содержимое словно само вываливается с чавкающим звуком, а косточки такие мягкие, что можно было есть их безо всякой опаски. Временами он с тоской вспоминал об этой кашеобразной смеси.

После смерти Ильзы мытье грязной посуды и стирку белья взяла на себя домработница, для чего ей даже пришлось изменить график и приходить к нему трижды в неделю. Правда, жена в свое время запретила использовать слово «домработница». Вместо этого Вилли должен был говорить «фрау Кюнцле» или «наша добрая фея».

В теплые дни, когда фрау Кюнцле накрывала завтрак на террасе, дом без жены пустел. Всю свою любовь она отдавала альпийским горкам и могла часами возиться вокруг них, выщипывая сорную траву или разрыхляя землю. Он не уставал поражаться, сколько радости ей доставляли крохотные цветочки, сколько восторгов вызывала у нее вылезшая погреться на камни ящерица или белка на сосновых ветках. Стоило порыву ветра сорвать с ветвей пожелтевшие листья, как Ильза восторженно восклицала: «Ты только посмотри, Вилли! Звездные талеры, прямо как в сказке!»¹

Подметать листву, выдергивать сорняки или косить траву для него было чистой пыткой, отчего и сад со временем приобрел соответствующий вид. Сегодня он даже в самые погожие дни предпочитал есть перед телевизором. А недавно у него с тарелки соскользнула жирная яичница-глазунья. Хорошо еще, что желток почти не попал на плюшевое розовое кресло Ильзы. Не окажись рядом парнишки, который сделал одолжение, помог, то он чего доброго докатился бы до непростительного морального преступления перед памятью почившей. На днях он попросил парня постричь ему волосы, а тот звучно рассмеялся:

– Дедушка, у тебя осталась пара волосинок...

О нем забеспокоилась было невестка Петра, но ее муж остался глух к ее увещаниям. Харальд и без того не сильно любил навещать отца и делал это лишь после очередного нагоняя сестры, которая еще в молодости осела в Австралии. Пока что папа справляется, утверждал он. Петра хоть и была в курсе сложных отношений мужа с отцом, но не видела оснований, чтобы спихнуть с себя ответственность за старика. Что бы Харальд ни говорил, малость поскандалив, в один из морозных воскресных дней пара отправилась-таки в Доссенхайм, городское предместье Гейдельберга, чтобы на месте своими глазами оценить положение вещей. Пока старик с сыном попивали в жилой комнате коньячок, рассуждая о никчемности нынешних политиков

¹ В сказке братьев Гримм «Звездные талеры» небо откликнулось на щедрость бедной девочки-сироты, раздавшей все свое имущество нуждающимся: ей в подол стали падать звезды и превращаться в серебряные талеры. – *Здесь и далее примеч. перев.*

(на личные темы в разговорах между отцом и сыном давно было наложено табу), Петра про-изводила в доме скрупулезный осмотр.

То, что она обнаружила в холодильнике, отнюдь ее не утешило. Продукты были заплесневелыми, просроченными, жирными. Грязное белье огромной кипой возвышалось на диване в гостиной и воняло. Постель явно не меняли целую вечность. Гнилостный запах остывшего дома спорил с прогорклым сигарным духом. Жилая комната и кухня, напротив, были натоплены слишком жарко.

Вернувшись в жилую комнату, Петра поинтересовалась у свекра, когда тот в последний раз ел что-нибудь горячее. Вчера был в ресторане, ответил старик, там подавали превосходный охотничий шницель. На машине туда не больше пяти минут.

Услышав про машину, Харальд включил внимание. Мысль, что отец в свои почти девяносто все еще водит свой старенький «опель», его серьезно озадачила. Равнодушия как не бывало:

– Тебе давно надо было сдать права, а автомобиль отправить на свалку. Я вообще не понимаю, как ты с этой рухлядью прошел техосмотр!

Старик бросил беглый взгляд на Петру, будто просил у нее поддержки. Он давно видел в ней союзницу, и в определенном смысле она ею и была. То и дело он, забывшись, называл ее Ильзой.

– Харальд говорит из лучших побуждений, – попыталась его успокоить Петра. – Представь только, что ребенок перебегает улицу, а ты не сможешь достаточно быстро среагировать...

– У меня до сих пор зрение как у орла, а слух как у рыси, – перебил Вилли невестку и тем самым подвел черту в разговоре.

Всю дорогу домой Харальд возмущенно повторял:

– Упрямый старый баран!

Петра предлагала различные варианты решения проблемы, но он ее не слушал. От вони белья из багажника перехватывало дыхание.

– Чувствуешь, как воняет? Думаю, твой отец страдает недержанием, – выругалась Петра.

Некоторое время они ехали молча. Но Харальда опять прорвало, и он затараторил:

– Я больше не могу терпеть эту болтовню! Каждый раз одно и то же: «Оставьте меня в покое, не пошли бы вы все куда подальше, после меня хоть потоп, мне плевать, скоро все равно миру конец...» и так далее.

Да уж, подумала Петра, при живой Ильзе все было бы проще. Если бы старики жили вместе, то наверняка переехали бы в квартиру поменьше, более подходящую людям пожилого возраста, где могли бы в случае чего получить профессиональную помощь. С Ильзой у нее всегда были хорошие отношения. Свекровь поверяла ей такие вещи, о которых не решалась говорить даже со своими детьми. Например, что ее брак с Вилли никогда не был счастливым. В восемнадцать лет Ильза влюбилась в соседского сына, хотя тот ничего особенного собой не представлял. Все посмеивались над ним из-за выступавшего подбородка, и девушка тоже пошла на поводу у сверстников. Оттого и решила пойти за видного Вилли Кнобеля, который к тому же имел неплохие шансы профессионального роста с учетом тогдашних обстоятельств. Их супружеская жизнь протекала скучно, а по временам и вовсе казалась безутешной.

Старик частенько посмеивался над Ильзой, потому что она больше всего любила читать сказки. И покровительственным тоном отмечал: «Она всегда останется ребенком». И невдомек ему было, что в это время она едва слышно нашептывала:

Ах я, бедняжка, не знала.

Зачем я ему отказала!²

Петра считала, что старик полюбил жену лишь после ее смерти. Ему не хватало Ильзы везде и всюду, и сейчас он скорее всего сожалел, что вел себя с ней как диктатор и не проявлял щедрости.

² Рефрен из диалога королевы и бедного певца в сказке братьев Гримм «Король Дроздобород».

2

– Как говорится, *mannus manum lavat* – рука руку моет. А поскольку я в своем возрасте не могу постричь тебе ногти на ногах, то у меня другая идея: когда я умру, тебе в наследство останутся мои книги, – заявил дед Макс. – Это значит, что тебе, естественно, придется договориться с Мицци. У твоих родителей своих книг предостаточно.

Макс кивнул в знак согласия. Как-никак его мать торговала книгами. На полках в жилой комнате родителей скопились сигнальные экземпляры новых книг и бестселлеры последних двадцати лет. Кроме того, в кабинете отца имелась и другая библиотека: две стены сверху донизу были заставлены профессиональной литературой по канализационным очистным сооружениям, подземному строительству, корректировке гидроканалов, санации улиц, расширению кладбищ и т.п.

В дедовском ассортименте, как и следовало ожидать, не было ничего такого, что могло бы по-настоящему заинтересовать Макса или Мицци. В частности, у него было полно устаревших энциклопедий, а кто из современных людей станет рыться в бумаге, когда можно просто заглянуть в Википедию? Латинские и греческие словари, подшивки журналов послевоенных лет. Была и кое-какая классика типа Шекспира, Гёте, Лессинга и Келлера, а в качестве более легкого чтения – парочка французских романов. У деда были еще какие-то книжки времен нацистского режима, но в этом Макс плохо разбирался. Его никогда не интересовало и то, что дед делал во времена Третьего рейха. Тем не менее нельзя было не обратить внимания на то, что он назвал своих детей Харальдом и Карин, хотя они родились уже после войны³.

Дом родителей построили в начале шестидесятых. Макс.у нравилось, что из кухни в ту часть комнаты, которая служила столовой, было проделано раздаточное окно (в детстве окно превращалось в антураж игры в Каспера⁴), и еще невероятных размеров кладовая. В остальном дом казался не в его вкусе: комнаты слишком маленькие, потолки слишком низкие, садик перед домом слишком скучный. Когда-то в бывшей детской спала бабушка. Там все еще стояли ее личные книги – главным образом сказки и былины разных народов мира. Но были и другие. Целых три экземпляра романа Гюнтера Грасса «Камбала», наверное, из-за того, что один персонаж в нем носит похожее имя – Ильзебиль⁵. Прекрасно иллюстрированное бабушкино собрание сказок Макс с Мицци оба очень любили, но все остальное они с легким сердцем выставят на eBay.

Старик пошарил по выдвижным ящикам:

– Вот моя докторская диссертация, – сказал он, обращаясь к Макс.у, – о «Метаморфозах» Овидия. Не хочешь почитать на досуге?

Макс бросил взгляд на малопонятное название и приветливо улыбнулся. Дед тем временем стянул со стола скатерть.

– Ее собственноручно вышила твоя бабушка. Кажется, это называется «крестиком». Возьми ее для Мицци, пусть будет ей приданым.

– Дедушка, у нее мало места...

– Она, наконец, обзавелась приятелем? Мне-то ты можешь сказать...

– Ты ее лучше сам спроси, – ответил Макс, что старик интерпретировал на свой лад.

– Уж не вышла ли она замуж?

³ В гитлеровской Германии существовала мода называть детей «правильными», нордическими именами. Образы «малыша Харальда» и «малышки Карин» часто встречались в нацистской пропаганде и стали своего рода символом расово чистого потомства.

⁴ Каспер, или Касперл – комический персонаж германского средневекового кукольного театра, высмеивавший пороки грешников. Обычно изображался в высоком колпаке и с большим носом.

⁵ Девять глав романа Г. Грасса соответствуют девяти месяцам беременности спутницы жизни рассказчика Ильзебиль.

Как тяжело, подумал Макс, оттого, что он не может говорить со стариком начистоту. Отец строго-настрого запретил рассказывать деду что-либо о Мицци. Хорошо бы старика не заклонило на этой теме, как его сына.

– От бабушки в шкафу осталась дорогая шуба, – сказал старик. – Я бы ее продал, если получится. У тебя случайно нет покупателя?

– Сейчас в моде *fun furs*⁶, на настоящие меха спрос меньше, – сказал Макс. – У тебя мало шансов. А можно мне взглянуть на эту ценную вещь?

Макс вытащил на свет завивающуюся черными кудряшками каракулевую шубу. В нескольких местах она была проедена молью, но, несмотря на такие пустяки, оставляла ощущение приятного тепла. Макс встал в шубе перед большим зеркалом в прихожей и сам себе понравился.

Шаркающей походкой дед пошел за ним:

– Дерьмово выглядишь.

Макс вымученно улыбнулся:

– Если честно, то супер. Дедушка, я попытаюсь толкнуть шубу на блошином рынке, но это наудачу. Что мне еще для тебя сделать? – Макс потихоньку собирался по своим делам.

– Ты не мог бы приготовить на сковородке чего-нибудь горяченького? – попросил старик. – Я сегодня еще ничего не ел. А все последние дни питался только яичницей или лазаньей.

Макс отправился на кухню. Он определенно не был фанатиком порядка и тем более не страдал манией гигиены, но, когда он открыл дверь, его чуть не стошнило. В раковине кишели тараканы, как антилопы гну в пустыне Калахари вокруг грязной лужи, единственной на сотни километров, почему-то представил себе Макс. При его появлении они бросились врассыпную, будто почуяли приближение голодного льва.

Если так будет продолжаться, то ничего хорошего. Дедушка медленно, но верно превращается в маниакального скупердяя. Ему лучше сегодня, не откладывая в долгий ящик, продать дом и перебраться жить к кому-то из детей. Тогда и Макс не нужно было бы приезжать. Старик мог бы питаться в семье и больше не заботиться о вещах, с которыми он не справляется. Только бы отец не заупрямился и позволил Максиму поселиться в комнате Мицци. Или можно провести круговой обмен: комнату Мицци с балконом отдать Максиму, помещение в полуподвале – дедушке. Отец, наверное, образумится не раньше, чем со стариком случится что-нибудь серьезное.

– Не обязательно сразу инфаркт, – буркнул Макс себе под нос, – достаточно будет обычного прострела.

Он вынул из морозильника рыбные палочки, плеснул на сковородку прогорклого рапсового масла и стал ждать, когда разогреется жир. А когда он собрался поставить салютную бутылку обратно на полку, она выскользнула и вдребезги разбилась о кафельную плитку.

– *Shit happens!*⁷ – выругался Макс, собрал осколки и протер вонючей тряпкой пол.

Затем разложил на сковородке рыбные палочки, поджарил на раскаленном масле до состояния, когда они стали хрустящими, и подал их деду с куском зачерствевшего ржаного хлеба, который уже стал принимать заплесневело-серый оттенок.

– Бельевую корзину я перенес в прихожую, – поспешил напомнить Макс. – Хочешь, я разберу чистые вещи в спальне?

– Парень, что бы я без тебя делал, – прошамкал дед, поднимаясь с дивана, и зашаркал на кухню к формочке для пудинга. В этот раз Макс заработал двести евро.

К счастью, Макс неплотно прикрыл дверь и поэтому услышал глухой звук падения тела и почти сразу резкий крик. С быстротой молнии он метнулся обратно на кухню. Дед лежал

⁶ Искусственные меха (*англ.*).

⁷ Вот черт! (*англ.*)

на кафельном полу и смотрел на Макса немигающим взглядом с пугающим выражением лица. Кругом валялись осколки разбитого стакана для шнапса.

– Помоги мне встать на ноги, мальчик! – смущенно попросил старик.

Макс взял его за похолодевшие руки и попробовал поднять. Старик застонал:

– Ой! Не так грубо! Нет, так не получится. Вызови помощь!

Макс пристроил ему под голову подушку и позвонил домой. По счастливой случайности он застал дома мать – она уже вернулась с работы. Петра быстро оценила ситуацию и, не тратя времени попусту, выдала четкую инструкцию:

– Немедленно вызови «скорую»! При апоплексических ударах дорога каждая минута. Он способен говорить, может шевелить руками и ногами?

– Мама, все не так серьезно, я думаю, он просто поскользнулся...

Она дала ему номер «скорой помощи» и пообещала прийти как можно скорее. Если дедушку заберут в больницу, Макс должен поехать с ними и сообщить ей по мобильному телефону подробности. В этом случае они встретятся в клинике.

Макс положил на грязный кухонный пол стопку газет и сел рядом с дедушкой. Нерешительная попытка держать руку старика в своей была с презрением отвергнута.

– Как раз здесь, на этом месте, я нашел мертвой свою жену, – прошептал старик. – Она лежала на этом холодном кафеле, точно как я сейчас. Макс, ты меня спас.

Не прошло и десяти минут, как с улицы послышалась сирена. В дом тяжелой походкой вошли два санитара в белых брюках и оранжевых светящихся куртках. Удостоверившись, что пострадавший способен говорить и что кровообращение стабильное, они положили его на носилки. Макс укрыл деда каракулевой шубой и поехал с ними в больницу.

Похоже на перелом, поделился своим соображением опытный шофер и предложил на всякий случай сделать рентгеновский снимок.

Тем временем старик взял руку внука в свою, – в его глазах читались беспомощность и страх.

– Все будет хорошо, дедушка, – утешал его Макс, сам не веря в то, что говорит. Только сейчас он понял, что это из-за него старик поскользнулся и упал: из-за того, что он плохо вытер пролитое масло.

Мать Макса приехала уже в больницу. Пока они ждали результатов анализа рентгеновского снимка, нервное возбуждение Петры все возрастало:

– Кажется, я забыла выключить утюг.

– Папа уже знает, что произошло? – спросил Макс. Выяснилось, что нет, мать до него не смогла дозвониться.

Наконец их пригласили в кабинет к врачу, где сообщили, что старик сломал бедренную кость. Требовалась операция. В этот момент в кабинет вкатили дедушку, которому успели сделать обезболивающий укол, и теперь они могли обсудить ситуацию вместе. По ходу дела возник вопрос, который никто не мог прояснить: какие лекарства пациент регулярно принимал в последнее время. Макс просто не знал, а старик никак не мог вспомнить названия.

Дело поручили Макс. Поскольку ему так или иначе предстояло вернуться в дедовский дом, чтобы собрать чемоданчик с самыми необходимыми вещами, то он должен был заодно захватить таблетки в упаковках и доставить в больницу. Мать же спешила удостовериться, что с утюгом все в порядке, поэтому высадила Макса перед домом деда и тут же умчалась.

– Переведи отопление в экономный режим, в конце февраля ночных заморозков уже не будет! – дала она последние указания. – Ему потребуются как минимум три пижамы, купальный халат, тапочки и умывальные принадлежности. Книги и журналы можешь не брать, все это мы привезем ему в ближайшие дни. Да, и не забудь удостоверение личности и карточку социального страхования!

– А сигары? – спросил Макс.

– Ты в своем уме? И к ним три бутылки шнапса! Господи! Мне сейчас не до шуток.

– Все понятно, – буркнул Макс в ответ.

Первым делом надо было хорошенько вымыть пол на кухне. Родители никоим образом не должны догадаться, что их сын повинен в этой катастрофе.

Первым, на что Макс обратил внимание оказавшись в доме, было отсутствие ключа от сейфа за формочкой для пудинга. Неужели ключ остался в кармане брюк старика?

Зубная щетка деда выглядела здорово потрепанной. Зачем она вообще человеку, у которого протезы верхней и нижней челюстей? Все, что Макс сумел найти в ванной из относящегося к бритью и личной гигиене, он покидал в пластиковый пакет. Серый парусиновый чемодан в гостиной для этой цели был слишком велик. В спальне под кроватью Макс обнаружил другой, поменьше, но он показался ему очень тяжелым. Макс поднял крышку. Чемодан оказался доверху наполнен порножурналами семидесятых годов. Макс присвистнул и громко расхохотался.

– Старый плут, – вырвалось у Макса вслух скорее с уважением, чем с осуждением. – И кто бы мог подумать!

Он вытряхнул содержимое чемодана в платяной шкаф. Под тяжестью журналов выдвигной ящик с шумом выехал наружу. Макс впихнул его обратно в шкаф, запер дверцу и выдернул ключ. Родителям ни к чему знать об этой находке. По-быстрому сложив вещи, он повернул регулятор отопления на минимальную отметку и во второй раз поехал в больницу.

В больнице Макса направили в хирургическое отделение, где его остановила медсестра.

– Моего дедушку уже прооперировали? – спросил он.

– Вы о господине Кнобеле? Пруссаки так быстро не палят⁸, но завтра он будет первым на очереди. Анестезиолог как придет, так сразу же им займется. Вы можете спокойно отдать вещи.

На двери в палату № 207 были прикреплены две карточки с именами пациентов: «Херман Шефер» и «Вилли Кнобель».

На старике была унылая застиранная ночная рубашка, какие Макс видел только в телесериалах. Он делил комнату с пациентом приблизительно такого же возраста. В этот момент его товарищ спал. Макс подошел к кровати деда, тот, не говоря ни слова, откинул одеяло и показал на сломанную ногу в жесткой шине из пенистого материала. Макс распаковал чемодан, умывальные принадлежности отнес в ванную, а пижамы убрал в стенной шкаф. Ближе к двери в шкафу висела черная каракулевая шуба. Макс кивнул на прощание и поехал домой, терзаемый разными мыслями.

Отец тем временем вернулся с работы. Его состояние было ожидаемым – Харальд пребывал в страшном возбуждении.

– Неизвестно, как еще он в таком возрасте перенесет наркоз и операцию, да еще при скудном питании.

– Почему это он не перенесет? – возразила Петра. – Сердце работает стабильно, кровообращение нормальное. В наше время такие операции стали рутинной. Обе мои бабушки ломали шейку бедра, месяцами лежали без движения, потому что переломы долго не заживали. А умерли от воспаления легких. Сегодня медицина в подобных случаях возвращает здоровье даже глубоким старикам.

– Ну, хорошо, – не унимался Харальд. – С помощью нагелей, пластин и винтов можно как-то собрать кости, но будет ли дряхлый старик снова способен ходить? Все это означает лишь, что уже сегодня, а не завтра мне нужно начинать хлопоты о месте в доме престарелых. Завтра же наведу справки у коллег из отдела здравоохранения.

⁸ Выражение, приписываемое Отто фон Бисмарку, ответившему так одному британскому журналисту, обвинившему Германию в том, что она вынашивает завоевательные планы.

– Дедушка мог бы переехать жить к нам, – вставил Макс.

– Ты, наверное, спятил? Кто будет о нем заботиться? Твоя мать ходит на работу, меня целый день нет дома. А тебе было бы полезно серьезнее отнестись к учебе.

Эта тема всегда вызывала у Макса острую реакцию. Он хотел тут же удалиться, но отец его остановил.

– Папа, – начал оправдываться Макс, – тебе хорошо говорить! Эта учеба абсолютно бессмысленна. Я еще в школе неплохо говорил по-английски, потому что в каникулы меня часто отправляли в Австралию. Однако это не имеет ничего общего с этим дебильным «Беовульфом», которым нас мучают в университете.

Родители растерянно переглянулись. И когда Макс наконец собрался уходить, мать обратилась к нему со всей мягкостью, на какую была способна:

– Макс, в любом образовании существуют области, которые не всем приходятся по душе и которые требуют простой зубрежки. Поступи ты на медицинский, ты бы мучился с анатомией и биохимией! Нельзя же опускать руки после двух семестров!

В глубине матери сидел прирожденный пастор, и, когда речь заходила о будущем сына, за дело брался этот невидимый наставник, отчего даже ее голос менялся. Отец в роли воспитателя был больше похож на плаксивого гинеколога. Родители говорили с ним так, словно видели перед собой придурочного наркомана.

– Вы вообще ничего не понимаете! – выпалил Макс и сгоряча выбежал из дома.

Куда ехать, не знал ни сам несчастный студент, ни его родители. Зато знал его верный автомобиль. Машина целенаправленно доставила Макса в «Крапиву», его любимый кинотеатр.

3

После операции старика на полдня перевели в отделение интенсивной терапии, и в палате он снова оказался лишь во второй половине дня. Когда Петра с Харальдом пришли его навестить сразу после работы, он спал.

– Еще час назад он был под капельницей, – рассказал сосед по палате и добавил к этому, что ему самому вставили новый тазобедренный сустав и что это уже во второй раз. – Все пройдет, – угрюмо закончил комментарий сосед.

Посетители некоторое время посидели возле старика, рассматривая его бледное лицо, несколько напоминавшее посмертную маску. Совершенно неожиданно Вилли открыл глаза, подмигнул невестке и пробормотал:

– Ильзебилль!

Петра с Харальдом попрощались с больным. В коридоре они поговорили с врачом:

– Операция прошла строго по плану. Если выздоровление пойдет быстро, мы сможем перевести его в реабилитационную клинику для пожилых. Там его научат снова ходить.

– И как долго все это продлится? – полюбопытствовал Харальд.

Выяснилось, что не меньше двух недель в больнице и от двух до трех недель в реабилитационной клинике. Но точно сегодня никто не сможет сказать. В любом случае пациенту – с учетом его почти девяноста лет – необходимо перебраться в дом престарелых с хорошим уходом. Лучше всего уже сейчас подать запрос на инвалидность второй группы, чтобы частично оплатить издержки за счет больничной кассы.

– Это следовало предвидеть, – рассудила Петра, когда они снова сидели в автомобиле. – Ты слишком долго уходил от решения проблемы. Лучше всего, если бы отец продал свой дом. Так он выручил бы достаточно денег на постоянное проживание в доме престарелых.

– Угу, и прощай мое наследство, – парировал Харальд. – Совсем не обязательно это должен быть «Августинум»⁹, в районном доме для престарелых и инвалидов тоже заботятся о стариках.

– На районный дом престарелых уговорить его будет непросто, – сказала Петра. – Он плохо переносит чужих людей рядом, с трудом запоминает новые имена и не больно-то подпускает к себе. Макс едва ли не единственный, кого он терпит.

– Бог ты мой, ну тогда ему придется привыкнуть к новым условиям, – ответил Харальд.

На следующий день к дедушке пришел Макс. Он нашел деда утомленным, удрученным и совсем не в духе, чего, собственно, и следовало ожидать в его положении. Вилли желал, чтобы его немедленно отвезли домой. Впрочем, он не был в том состоянии, чтобы всей силой своего характера обрушиться на внука. Это было сразу понятно по вялому голосу.

– Что тебе привезти в следующий раз? Какое-нибудь чтиво? Может, фруктов? Тебе вообще-то разрешают все это есть, дедушка?

С соседней кровати раздался злорадный смех Хермана Шефера:

– Ах, перестаньте про еду! Нам ее уже складывать некуда.

– Ильза мне что-нибудь сварит, – прохрипел старик. – Она сегодня уже три раза сюда заходила. На десерт она мне пообещала консервированные калифорнийские персики.

Предвкушая мгновения будущего наслаждения, он закрыл глаза, да так и заснул с открытым беззубым ртом.

⁹ Сеть дорогих и престижных домов престарелых в Германии.

Макс косо, без симпатии посмотрел на соседа по палате, но тот, похоже, потерял интерес к Ильзе и ее трогательной заботе о старике. Ну и ладно. Откуда ему знать, что жена дедушки умерла.

– Между прочим... – слабым голосом спросил Херман Шефер, – ваш дедушка случайно вырос не за границей? Иногда он говорит на незнакомом языке...

– Это, наверное, латынь, – ответил Макс. – Я и сам в ней ни фиги не смыслю.

Макс встал и снял с крючка свою куртку. В этот момент в его голове зашевелилось смутное подозрение: почему дед все время поминает Ильзу? По всей вероятности, дорогой мех ввел только что прооперированного пациента в заблуждение. И Макс решил на всякий случай унести шубу с глаз долой.

Спустя два дня в палате появилась Петра и обнаружила уже более жизнеутверждающую картину. Свекор не без пафоса приветствовал ее:

– Ave, Petra! Morituri te salutant!¹⁰

К счастью, приветствие обреченных на смерть было произнесено стариком в шутку (настроение в палате было близко к похоронному). Даже по лицу нелюдимо и ворчливого Хермана Шефера пробежала мимолетная улыбка. Под присмотром физиотерапевта оба пожилых пациента с грехом пополам попробовали сегодня встать на ноги и с гордостью сообщили, что удостоились похвалы со стороны инструктора по лечебной гимнастике. Петра принесла цветы, много газет и журналы с кроссвордами. В семье она была единственной, кто понимал латинские цитаты, и даже, к радости старика, нет-нет, да и использовала их в своей речи.

Пробыв с больным полчаса, она собралась уходить, и тогда старик попросил:

– Пожалуйста, закрой дверь поплотнее, чтобы попугайчики не улетели.

Озадаченная Петра осмотрелась, никаких попугаев не увидела, но все же закрыла за собой дверь достаточно громко, чтобы старик услышал. К счастью, в коридоре Петра столкнулась с врачом и поинтересовалась у него психическим состоянием пациента.

– Ваше беспокойство совершенно напрасно, – успокоила ее врач. – Речь идет о кратком реактивном психозе, который у стариков длится несколько дольше, поскольку их организм медленнее отходит от наркоза. Обычно при этом наблюдаются легкие нарушения восприятия или провалы памяти. Но это проходит. Послеоперационные раны заживают прекрасно. На следующей неделе вашему родственнику предстоит начать ходить туда-сюда с помощью ролятора. Если он с этим справится, то сможет нагружать ногу на пятьдесят процентов, и тогда мы перейдем к реабилитации. Проследите за тем, чтобы он потреблял достаточно жидкости!

На другой день Макс также представился случай самолично убедиться, что выздоровление и мобилизация дедушки идут быстрыми шагами. Дождавшись, когда соседа по палате повезли на контрольное обследование, старик набросился на товарища по несчастью:

– У человека вообще никакого воспитания! У него отвратительная манера плевать, когда он говорит, так что мне приходится чем-нибудь прикрываться. Я считаю дни, когда смогу отсюда удрать!

– Дедушка, господин Шефер все-таки не так ужасен, как ты говоришь. А как ты справишься с медсестрами?

– Одну я называю Цербером. Но та, которая приходит убирать палату, – сущий ангел. Азиатка с очаровательной попкой! Это единственный проблеск света в долине тьмы!¹¹ – Старик ненадолго умолк, видимо, захваченный фантазиями, но все-таки продолжил: – Кроме тебя, разумеется.

¹⁰ Слався, Петра! Идущие на смерть приветствуют тебя! (лат.)

¹¹ В немецком тексте – явная парафраза на Псалом 23: «Даже если иду долиной тьмы – не устращусь зла, ибо Ты со мной...»

Старик глядел на внука с умилением. На Максе был коричневый свитер с капюшоном, джинсы и кеды. Темные волосы были коротко подстрижены, худое лицо, когда он улыбался, вытягивалось в длинный острый треугольник.

– Дедушка, в скором времени ты поправишься и станешь как прежде. Чуть не забыл: Мицци передает тебе привет.

– Как поживает звезда моих очей?

Макс пожал плечами. Он с ног сбился ради дедушки, в то время как сестра палец о палец не ударила и в лучшем случае ограничивалась передачей привета.

– У нее все хорошо, она собирается замуж!

Старик просиял от радости:

– И кто этот счастливец?

– Ее подруга Ямин, – как о чем-то будничном сообщил Макс.

Старик хихикнул. Макс решил пока этим ограничиться. С невозмутимым видом дед перешел к запланированным делам: нужно было позаботиться о тренировочном костюме, который скорее всего лежал в комод в спальне, и прикупить кроссвордов.

– Я почти все заполнил, – сообщил старик и предъявил внуку доказательства.

Макс бегло взглянул на брошюры. Действительно, все клетки были заполнены, хотя составленные слова были ему незнакомы. Выступающая часть здания: зинрак, прочитал он, порода азиатского дикого быка: кя¹².

У Макса на душе остался нехороший осадок. Все-таки старик принял известие о свадьбе Мицци за шутку. Однако если он хорошенько подумает, то, возможно, до него дойдет. Даже девятнадцатилетний пацан и то не настолько оторван от реальности, чтобы не уметь сложить дважды два и сделать вывод. В сущности, Макс любил сестру, хоть и желал ей, бывало, всяческих напастей. В отличие от него Мицци прилежно училась в школе, по окончании сразу получила место в вузе, теперь вот собирает материал для дипломной работы. Но дома фактически перестала показываться и переложила на Макса обязанности по поддержке родителей. Вообще женщины из их семьи не больно-то горели желанием разделять семейные обязанности: тетя Карин жила в Австралии, его сестра – в Берлине. Только его мать была из другого теста. Но и она каждый день по шесть часов пропадала в своей книжной лавке. Правда, придя домой, она бойко справлялась с домашним хозяйством, но на сына редко находила время.

В некотором смысле в их семье сохранялась преемственность. У дедушки было двое детей – сын и дочь, у его отца – тоже. У обоих дочери рано покинули дом и стали жить самостоятельно, оба считали своих сыновей не совсем удачными. Его отец обворовывал потихоньку собственного родителя, Макс, в свою очередь, тоже был не прочь подзаработать на них обоих. Это какое-то проклятье, против которого они были бессильны. Надо думать, кого-то из их предков вздернули на виселице за воровство, и он из мести возрождается в генах потомков снова и снова.

Права Мицци, что не хочет заводить детей. Макс был почти уверен, что и он поостережется иметь потомство. Ну, там видно будет. Едва дождавшись восемнадцатилетия, он обратился к врачу и попросил сделать стерилизацию, однако, врач использовал тысячу аргументов, чтобы отговорить от этого шага.

В это время дня ни отца, ни матери никогда не бывало дома. У Макса же возникла острая потребность поговорить с кем-нибудь, ну хотя бы с сестрой. Недолго думая, он набрал ее номер. Мицци ответила сразу.

– Мицци, мне нужно кое-что тебе сказать... – начал он.

Она рассмеялась:

¹² Нужно читать справа налево, так как Макс видел текст перевернутым.

– Ну и в чем твоя проблема?

– Папа запретил говорить о тебе с бабушкой.

– Ну и? Ты собираешься всю жизнь плясать под его дудку? Ладно, в следующий раз я сама с ним об этом поговорю.

Макс с облегчением сменил тему:

– Как продвигается твоя дипломная работа?

Мицци выбрала тему, связанную с эпохой Аденауэра и господствовавшими в то время среди лесбиянок жизненными принципами.

– Непросто, – призналась сестра. – Вначале пришлось разыскать тех немногих пожилых женщин, которые согласились со мной поговорить на эту тему и ответить на вопросы. И все они – явление исключительное в своем роде. Наверное, мне нужно дать подзаголовок «Стена молчания». Но он звучит недостаточно научно.

Максу в самом деле было интересно то, над чем работала Мицци. Он рассказал еще немного о бабушке, но она не проявила интереса к этой теме. Никак не прокомментировала даже то, что в ближайшем к ним доме престарелых для деда обещали зарезервировать место.

У папы на работе снова неприятности. В городском управлении по подземному строительству никак не могли прийти к единому мнению о сооружении подземной парковки, строительство которой было запланировано несколько лет назад.

– Как мама? – поинтересовалась Мицци, откровенно позевывая.

– Она хочет организовать чтения и в данный момент ни о чем другом думать не в состоянии. Да, чуть не забыл... – Макс остановился, подыскивая нужные слова: – Твоя комната на веки веков останется пустовать или ты подумываешь когда-нибудь все-таки вернуться в семейное гнездышко?

– Ты с ума сошел? Можете делать с моей комнатой все, что хотите. Если я когда и загляну на Рождество или проездом, то переночую, как все гости, в папином кабинете. А к чему ты вообще завел об этом разговор?

– Ну, в твоей комнате есть балкон, и она, собственно говоря, самая красивая в доме. Я подумал, не поменяться ли нам.

– Ну ты даешь! Разве я когда-нибудь была против? Но подумай еще раз хорошенько: у тебя в подвале – собственный душ, и к тому же гости могут попадать к тебе напрямую через гараж, притом что родители ничего не узнают.

Тем не менее как раз отдельный вход в комнату имел свои недостатки. Не так давно Макс оставил незапертой гаражную дверь, и один, мало сказать непрошенный, гость внезапно возник перед его кроватью и потребовал еженедельную сумму платежа. Но об этом он ни за что не станет распространяться. Вместо этого Макс сказал другое:

– Во-первых, у меня нет подружки, во-вторых...

– Ах, Макс, мне жаль, что у тебя нет девушки, но все может очень быстро измениться. Пока! Не позволяй родителям сильно себя терроризировать, ты уже два года как совершеннолетний.

Спортивный костюм, который потребовала специалистка по лечебной гимнастике, Макс в комод не нашел, хотя дед утверждал, что он должен быть там. В конце концов он нашел в сундуке темно-синие штаны из толстой хлопковой ткани с начесом. Но когда Макс взял эту тяжелую вещь в руки, чтобы рассмотреть поближе, резиновая вставка на поясе и на лодыжках буквально распалась у него в руках. Без нее штаны для ношения были непригодны. Хочешь не хочешь, придется папе одолжить какие-нибудь свои спортивные брюки, не без злорадства заключил Макс.

Незадолго до этого Вилли Кнобеля решили отправить в реабилитационное учреждение для пенсионеров. С помощью физиотерапевта он даже смог на педальной коляске добраться

до маленького больничного ларька с напитками, журналами и цветами. Но там ему неожиданно стало плохо. Отек легких, сказали Петре, когда она появилась в хирургической палате с только что купленным шерстяным спортивным костюмом. Беспокоить старика в таком состоянии было бессмысленно и неуместно. Он с трудом дышал, издавая громкие хрипы, и решительно отказывался от еды. Соседа по койке тем временем уже выписали, и Вилли остался в палате один.

Его состояние продолжало ухудшаться, и лечащий врач выглядела не на шутку озабоченной:

– Мы вынуждены перенести сроки реабилитации. Боюсь, он больше никогда этого не сделает.

Петра и Макс попросили уточнить, что она имела в виду.

– Ну, рано или поздно он умрет, однако я, само собой, не могу сказать, идет ли речь о днях или неделях. К сожалению, мы не можем его держать в стационаре, у нас каждая койка на счету.

– Да, но... – пролепетала что-то невнятное Петра.

– Естественно, он сможет оставаться у нас до тех пор, пока вы не подыщите ему место в доме престарелых или в хосписе, – сказала врач. – Правда, был бы он моим отцом, я бы взяла его к себе. Мы же все мечтаем уснуть навеки в собственной постели.

– Тогда и мы так поступим, – сказал Макс, вызвав неподдельное удивление у матери.

Слова молодого человека и на врача произвели сильное впечатление:

– Что ж, мужественное решение. Нечасто такое услышишь. Разумеется, вы не останетесь без поддержки. Больничная касса предоставит вам на время медицинскую функциональную кровать и другие вспомогательные средства, сиделка или медсестра будет приходить к вам не реже двух раз в день, чтобы мыть и менять постель, а домашний врач паллиативными средствами облегчит пациенту последний путь.

После этого врач пожала руки обоим и поспешно удалилась по своим делам.

– Такое ощущение, что она выразила нам соболезнования, – поделилась Петра. – А ты меня просто ошарашил, но именно так и надо было сделать. Не терпится узнать, что по этому поводу скажет папа. Как бы его не хватил удар.

В этом она была права. Харальд сначала лишился дара речи, затем прямо на глазах удивление переросло в гнев: как жена с сыном могли принять такое решение, наплевав на его мнение! Вдобавок они после всего не получают комнату в доме престарелых, которую наконец-то удалось окончательно закрепить за дедом, – ведь там не принимают тех, кто при смерти.

– А впрочем, делайте, что хотите! – проревел он. – Мое мнение в этом доме, похоже, ничего не значит!

В заключение он позвонил сестре в Австралию, но дома ее не застал. Зять сообщил, что она как раз в данный момент поднимается в лифте.

Ситуацию исправил Петра, вовремя найдя нужные слова:

– Долго это не продлится. И ты определенно не станешь возражать против ожидающего тебя в скором времени наследства.

4

В эту ночь Харальд долго ворочался и обдумывал, что будет после того, как у них поселится смертельно больной отец, этот жестокий человек, который в течение сорока лет отталкивал его от себя.

Отец годился только на главную роль мольеровского «Скупого». Если бы не мать, которая ухитрилась вести хозяйство на жалкие гроши и при этом с невероятным трудом скопила кое-что для сына, то Харальду была бы уготована судьба подметальщика улиц. Это случилось как раз в третий семестр его учебы в институте. На одолженном у друзей мотоцикле он протаранил машину профессора и здорово ее помял. У него тогда были проблемы с деньгами, и пришлось подделать чек. К счастью, дело было в небольшой сумме.

Однако отец повел себя не только как жалкий скряга, но и унизил его скрупулезным ведением бухгалтерии. Дело обернулось публичным скандалом, запахло катастрофой. Отец выставил Харальда на улицу. Вдобавок он отказался оказывать Харальду даже малую финансовую поддержку.

До самого окончания учебы Харальду приходилось браться за любую работу, в то время как отец, работавший ученым библиотекарем, имел довольно приличный доход. Домой Харальд приезжал в те редкие дни, когда отец находился в отъезде. Больше всего от черствости мужа страдала мать, но она была слабой женщиной и не могла этому противостоять.

Примирение между отцом и сыном произошло только на шестидесятилетии матери, да и было поверхностным. Ильза так часто давала понять Вилли, что ничего так не хочет, как преодоления их размолвки с сыном, что тот поступился принципами и снова отворил перед сыном двери. К настоящему удивлению, он полюбил внуков и невестку.

– Такая же прилежная, как моя Ильза, но более умная и образованная, – сказал он как-то сыну, однако эти слова неприятно задели Харальда. Вот уж кем он свою мать не считал, так это глупой.

Еще больше чем невестку, старик полюбил миловидную внучку Мари, которую все называли Мицци. Но от него, как заветную тайну, скрывали, что Мицци вот уже два года жила с другой женщиной. Если бы Харальд был до конца честен, то и он никогда бы не смирился с этим фактом. Его дочь была такой хорошенькой, и вот как все вышло! Горе! Но, увы, стоило об этом заикнуться, как Петра мгновенно приходила в бешенство и сыпала угрозами в том духе, что ради своих взглядов он готов потерять детей, как его отец.

Но еще удивительнее было то, что Макс прекрасно ладил со стариком, заглядывал к нему каждую неделю, а когда деда поместили в больницу, то и почти каждый день.

Правда, сын доставлял Харальду не меньше беспокойства. Понятно, он не хотел повторять ту же ошибку, что и его отец, но все-таки его не оставляли сомнения: правильно ли он поступает, столь щедро подкидывая Максу деньги? Так ли уж нужен двадцатилетнему парню собственный автомобиль? Другие студенты ездили на велосипедах или на общественном транспорте. К сожалению, его сын не скоро может рассчитывать на вакантное место на медицинском факультете, если такое вообще случится. Английский и история искусств хоть и были временным решением, Харальд не питал больших надежд на то, что со временем Макс будет по-настоящему получать удовольствие от этих предметов и когда-нибудь станет преподавателем. Прошло не так много времени, а сын практически забросил учебу. В таком случае почему он не обучится какому-нибудь ремеслу или не подыщет себе работу? Чем он занимается днями напролет? Каждый раз, когда Харальд входил в его комнату, сын торопливо переходил на компьютере на другую программу.

Эх, если бы сын отбыл альтернативную службу не в заведении для трудновоспитуемых подростков, а ухаживая за инвалидами или больными! Он смог бы тогда научиться некото-

рым полезным вещам, например, как при случае поставить почти беспомощного деда под душ. Петра говорит, что старик уже несколько месяцев не принимал ванну.

– Сказать, что он вконец запущен, конечно, нельзя, но его от этого состояния отделяет один шагок, – определила она и сама же устыдилась, что они позволили забрать свекра в больницу, не приведя в порядок.

Все равно он долго не протянет, подумал Харальд, а на оставшееся ему время мы найдем модус вивенди. Произнеся в уме латинские слова, он с ужасом осознал, что не только это, но и многие другие крылатые выражения перенял у отца. Это притом, что никогда не учил латынь и раздражался каждый раз, когда отец старался его этим унижить. В довершение ко всему с каждым годом Харальд внешне все больше превращался в своего родителя: у него точно так же поредели волосы, он стал так же сутулиться, и даже из носа у него лилось точно так же, когда он возвращался со стройки в теплое помещение. Не хватало еще превратиться в скрягу. Работа давалась ему все тяжелее, и он с радостью предвкушал, как всего через несколько лет навсегда покинет городское управление по подземному строительству.

Завтра он сам займется этим вопросом, сам все организует и устроит как надо, пусть даже вопреки тому, что без него решили жена с сыном. Давно не новость, что Петра в спорах берет сторону детей, а не его. Первое, что он сделает, это попробует все-таки определить отца в предусмотренный для таких случаев дом престарелых со стационаром по уходу за тяжело-больными. А если там все койки будут заняты, то он попытается пристроить старикана в один из ближайших в округе домов престарелых или хоспис. Харальд очень надеялся, что отец не будет долго тянуть со смертью.

Ночью Харальд бегал в туалет каждые два часа, что тоже, по-видимому, было симптомом пережитого стресса и надвигающейся старости. Когда он вставал в третий раз, жена промычала что-то неодобрительное, и ему пришлось прихватить под мышку подушку с одеялом и отправиться досыпать в кабинет. Правда, выдержать долго на просиженном диване было невозможно. Если тот на что и годился, так в лучшем случае, чтобы подремать часок после обеда в выходной. Или для оставшегося переночевать гостя. Если в скором времени он получит наследство, то перво-наперво купит дорогой и удобный диван. Интересно, сколько дадут за дом в Доссенхайме? Надо будет связаться с каким-нибудь маклером.

Макс решил навестить деда в воскресенье, поскольку оба родителя были заняты. В коридоре он наткнулся на крепкого телосложения медсестру, которая постучала ему сзади по плечу:

– Ну-у, молодой человек, разве можно в твоём возрасте ходить с таким печальным лицом! Я всегда таким говорю: выше голову! Даже если шея еще не выросла.

Макс невольно провел рукой под воротником.

Однако медсестра не закончила:

– Если честно, то мы рады, что ваш дедушка наконец покинет наш гостеприимный дом. Под наркозом некоторые пожилые люди ведут себя как в борделе.

Макс оцепенел. Это его-то рафинированный дедушка, говоривший на греческом и на латыни? Это что, шутка? О чем она?

– Он щиплет за мягкие части уборщиц и лапает санитарок, – пояснила она тут же. – А во что превращается кормление, вы и представить не можете! Ей-богу, у нас нет времени бороться со всем этим. Чай ему пить необязательно. Сегодня мы его уже положили под капельницу.

На сервировочном столике стояла закрытая миска. Макс приподнял крышку, и оттуда вырвался запах еще теплого чечевичного супа. Дедушка спал, но, как показалось Максиму, подмигнул, когда тот задел ложку, и она звякнула. Макс уже научился переводить пациента в сидячее положение. Он заправил деду салфетку в вырез пижамы и попытался влить в рот ложку супа. Старик что есть мочи сжал губы. Не сказать, чтобы Максиму нравилась больнично-пресная чечевичная похлебка, но он все съел.

– Чего бы тебе хотелось, дедушка? – спросил он.

– Ванильного пудинга, – еле слышно ответил старик.

– Голову или хвост? – спросил Макс и обратил внимание, что умирающий попытался улыбнуться.

– Когда ты переберешься к нам, то каждый день будешь получать большой пудинг лично для тебя, – пообещал Макс.

Громкого ликования со стороны деда не последовало, тем не менее старик кивнул в знак согласия. После чего он закрыл глаза, отвернулся к стене и опять погрузился в сон. И уже в полудреме пробурчал:

– Ты уже уходишь, Ильзебилль?

Макс выдвинул ящик ночного столика, ему было любопытно пошарить в вещах деда. Кроссворды, обручальное кольцо, бумажные носовые платки, которые дед так ненавидел, мазь для носа, бумажник с водительскими правами, удостоверением и кредитной картой. И ключ от сейфа.

Вечером Макс вычистил все, что находилось в маленьком сейфе, – всего три тысячи евро. И испытал огромное облегчение оттого, что в ближайшее время сможет точно в срок выплачивать долг. Возможно даже, что у него получится с помощью кредитной карточки снять деньги со счета деда, хоть пока он и не знал пин-кода. Но это ведь не было кражей в собственном смысле слова, так как в скором времени он возьмет на себя все тяготы по уходу за стариком, а за это положено соответствующее вознаграждение.

Множество отвратительных на вид громоздких предметов, заполнивших в понедельник комнату дочери, привели Петру в состояние ступора. Служащий магазина, временно предоставлявшего медицинское оборудование по поручению больничной кассы, объяснил, как пользоваться функциональной кроватью.

– Решетка из реек позволяет приподнимать кровать на разную высоту. Вся плоскость кровати регулируется по высоте с помощью электропривода, для безопасности больного можно поднять боковые решетки. Рукоятка в форме треугольника, называемая также «виселицей», служит для того, чтобы больной мог самостоятельно приподняться.

Служащий также показал Петре, как работает подъемник для перемещения лежащего больного в ванную, костыли и подвижный стул-туалет. Хорошо, что еще утром они с Максом перенесли кровать и другую оставшуюся от Мицци мебель в подвал, потому что теперь комната с балконом выглядела как забитый доверху товарный склад. От всего этого хотелось выть.

Но больше всего ее раздражал муж. Несколько часов кряду он висел на телефоне и наконец добился успеха – его отца согласились принять в одном хосписе. Правда, одна загвоздка все же была: хоспис располагался примерно в двухстах километрах. Это обстоятельство вызвало такой дружный и отчаянный протест Петры и Макса, что Харальд в конце концов вышел из себя и послал их к черту. Но пусть не ждут, выпалил он вдогонку, что он будет заботиться о старике.

Макс, напротив, начал строить планы, как он оборудует комнату, когда дедушка после всей этой суеты упокоится в земле сырой. Его сверстники стремились как можно скорее переехать из родительского дома, но Максу эта идея была чужда.

Балкон выходил на запад, и во второй половине дня его щедро обогревало солнце. Не завести ли по весне парочку пальм, чтобы балкон напоминал тропический сад? Для полного счастья в любом случае не хватает гамака и, может быть, попугая. Укромный, утопающий в зелени уголок, закрытый для посторонних. Фалько, этот безжалостный выколачиватель денег, вряд ли рискнет звонить в парадную дверь. Ему должно быть известно, что Харальд Кнобель служит в городском управлении и имеет прекрасные контакты с полицией и управлением по вопросам порядка.

На следующие три дня Петре пришлось отпроситься на работе, хотя ее ни на минуту не оставляло недоброе чувство: как-то там справятся вместо нее три временных работника? В то же время она не могла бросить Макса именно сейчас, когда предстояло вести разговоры с окружным врачом, с начальницей службы по амбулаторному уходу и домашним врачом. Вот когда Макс более-менее разберется с вопросами по уходу и дело пойдет на лад, она предоставит ему полную свободу действий.

В четверг утром старика на носилках доставили из больницы и уложили на новую медицинскую кровать. По понятным соображениям, транспортировка его здорово утомила. Петра пощупала его лоб, он был горячим. Как они могли выписать его с лихорадкой? Жаль, что не было ушного термометра. Надо будет сказать Макс, чтобы купил такой не откладывая. Поскольку измотанный пациент впал в дрему, его оставили одного.

– Хуже некуда, как бедный заморыш, – поделилась Петра с сыном. – Примерно через час зайдет доктор Оффенбах. Очень надеюсь, что он не задумал заранее мучить старика своими терапевтическими процедурами и поймет, что тому просто-напросто нужно спокойно выспаться.

– Мне кажется, дедушка никогда не думал о том, чтобы оставить предварительные распоряжения¹³, – сказал Макс, – ведь он по натуре борец.

– Почему ты так решил? – спросила Петра с ноткой нетерпения в голосе, но ответа не получила.

Доктор Оффенбах, давнишний семейный врач, осмотрел спящего пациента и пришел к заключению, что если бы его коллега, окружной врач, увидел пациента в таком предсмертном состоянии, то назначил бы ему самую высокую степень инвалидности. Кроме того, он пообещал облегчить больному агонию, если в этом будет необходимость:

– Сегодня к этому относятся не так строго, и никто не осудит врача, если тот с помощью морфия сделает последние часы жизни более терпимыми. Однако это связано с большими бюрократическими издержками. Впрочем, вы мне уже говорили, что он отказывается принимать пищу и воду. Это мне знакомо, я пользовал немало людей в самом преклонном возрасте. Они просто-напросто не хотят жить дальше. Как правило, это продолжается не больше недели, после чего вы снова будете спать спокойно. Мы, врачи и родня, должны уважать волю пациента.

Петра вздохнула с облегчением, Макс промолчал.

Начальница службы по амбулаторному уходу оказалась опытной женщиной с практическим складом ума. Она сразу приподняла одеяло и заглянула под брюки, чтобы убедиться, использует ли больной памперсы. После чего написала им для памяти, какие плавки следует купить больному, страдающему недержанием. Закончив с утилитарной частью, она обсудила с Петрой вопрос, как часто к ним должна приходиться санитарка и какие функции по уходу семья могла бы взять на себя. Сошлись на том, что профессиональная санитарка дважды в день будет его мыть, менять памперсы, одевать и раздевать, а также менять постель. Остальное ляжет на плечи Петры с Максом.

Если дедушка и дальше не будет ни есть, ни пить, а только спать, то это вполне приемлемо, подумала Петра. Порешив на этом, Петра засобиралась в книжную лавку поглядеть, как там управляется ее правая рука, наказав Макс, позвонить ближе к вечеру, когда появится санитарка. Ей хотелось собственными глазами посмотреть, как профессионалка делает свою работу. Кое-что могло ей самой пригодиться.

Наконец Макс остался с дедушкой один. Он долго сидел возле кровати старика, вслушиваясь в его хриплое дыхание. И в какой-то момент понял, что сейчас самое время приготовить обещанный пудинг.

¹³ Имеется в виду юридическая процедура по передаче тяжелобольным другому лицу прав по принятию важных медицинских решений в случае утраты дееспособности.

– Дедушка!

Макс играючи нажал на кнопку, переводящую матрас в сидячее положение.

– Дедушка!

Макс немного покачал старика кнопкой «вверх-вниз».

– Дедушка?

– Ильзебилль, что такое?

– Ты будешь сейчас есть свой пудинг?

– Не сейчас. Сытое брюхо к учению глухо.

Какая-никакая, но все же реакция. Макс принес готовый пудинг, ложку и перевел кровать с помощью кнопки в предельно вертикальное положение.

– Открой рот!

Макс и сам был удивлен, но старик съел все, что было в чашке. Правда, ему на это потребовалось не меньше получаса. Вместе с пудингом он даже выпил пару глотков воды. Макс по настоящему был горд собой.

Макс позвонил матери, чтобы похвастаться, и в этот момент раздался звонок в дверь. Макс стремительно слетел по ступенькам к входной двери. На пороге стояла санитарка, которую они ждали.

– Меня зовут Йенни, – представилась она.

Макс отвел ее наверх.

– Добрый день, господин Кнобель! – сказала она громко и разборчиво и пощупала пульс больного. – Как у вас сегодня дела?

Дедушка сиял от счастья.

– После того как я увидел вас, превосходно! – ответил он.

– В таком случае добавим в вашу жизнь немножко свежести, – сказала Йенни и попросила тазик, простыню, два полотенца, две мочалки и мыло; парочку памперсов для взрослых она принесла с собой.

Макс показал ей ванную комнату и вернулся к входной двери, чтобы встретить мать.

– Ну как? – спросила она, не успев отдышаться. – Как прошел день? Как санитарка?

– Пока неясно, – ответил Макс. – Блондинка, симпатичная, я бы сказал.

5

Рано утром в среду появилась вторая санитарка, сестра Кримхильда. Зрелая сведущая в своем деле женщина, статная, физически крепкая, но при этом чуткая и относящаяся к пациентам чуть ли не по-матерински.

Как и ее коллега Йенни, она первым делом взяла руку больного и определила пульс. Представившись деду, она поинтересовалась его самочувствием и не забыла спросить про сон. Вилли Кнобель ей ничего в ответ не сказал. Его демонстративное молчание смутило сестру Кримхильду лишь ненадолго. Она попросила показать вещи для мытья и стала искать зубные протезы. Макс положил их в мыльницу, где они лежали до сих пор.

Сестра почистила вставные зубы щеткой и зубной пастой, снова подошла к кровати и приветливо обратилась к лежачему:

– Господин Кнобель, будьте добры, откройте рот!

Никакой реакции. Макс с Петрой стояли рядом в полной растерянности, но сестра Кримхильда сохраняла самообладание:

– Ну, нет так нет. Однако немного помыться и побриться нам ведь не помешает?

– Я не позволю мною распоряжаться какой-то расфуфыренной дамочке! – заявил старик ни с того ни с сего.

Сестра Кримхильда рассмеялась и попросила родственников оставить ее с больным наедине. Через полчаса она с грохотом и возгласами «Эй! Ау!» сбежала по лестнице и сообщила, что цель достигнута.

– Небольшая борьба за власть. Он, наверное, потомок Наполеона по прямой линии, – решительно прокомментировала сестра.

У сестры Кримхильды на этот день было назначено еще много всего. Но первое, что она сделала – потребовала два ключа от дома: один для ранних приходов, другой – для поздних. С ключами она могла бы приходить даже в те часы, когда никого дома нет. У санитарок-де огромная нагрузка и плотный график, и они не могут позволить себе подолгу ждать на пороге. В ванной следует прибить к стене четыре дополнительных крючка, и желательно их надписать: тряпки и полотенца для верха и для низа. Еще ей потребуется французская водка для втираний, жирный крем для кожи и кое-что из аптеки для тех, у кого недержание.

– Речь идет о картонных коробках большого размера, – пояснила она. – Надо подыскать в доме место, куда их можно будет сложить, – при этом она осмотрелась вокруг.

– Разве что в шкаф Мицци, – с печалью в голосе предложила Петра. – В ванной все свободное место заняло устройства для подъема больного.

Наконец сестра Кримхильда уехала. Макс съездил в аптеку за необходимыми вещами и на обратном пути в супермаркете купил две упаковки ванильного пудинга по шесть стаканчиков в каждой. Этим материнские поручения исчерпывались.

– Надеюсь, ты один справишься? – спросила она и поспешила в свою книжную лавку.

Макс снова подошел к кровати дедушки, который смотрел на юношу глазами смертельно раненного животного.

– Завтрак должен быть важнее гигиены, я так понимаю, – пожаловался старик.

– Хочешь, я принесу тебе кофе с булочкой и мармеладом?

– Пудинг!

На этот раз старик позволил скормить себе целых два стаканчика и глоток за глотком осилил большую чашку кофе.

– Где я вообще? – спросил он под конец.

Макс приготовился все объяснить, но дедушка снова погрузился в сон.

Харальд с работы позвонил дочери в Берлин, так как знал, что ее спутница жизни – эта Ясмин, совратившая его Мицци, – в первой половине дня дома не бывает.

– Они тебе уже рассказали? – спросил он дочь. – Твоя комната теперь похожа на больничный стационар. Там лежит дедушка, и его обмывает приходящая санитарка. Но ты не беспокойся, это продлится недолго...

– Беспокоиться? По мне, так пусть живет до ста лет, – ответила Мицци с легким раздражением в голосе. – Комната мне больше не нужна. Свои личные вещи я давно забрала. Однако от бабушкиного дамасского постельного белья я бы не отказалась. И формочку для пудинга взяла бы с удовольствием.

Харальд начал понимать, что ему не удастся перетянуть дочь на свою сторону. И чтобы не спровоцировать нетерпеливую или, того хуже, гневную реакцию девушки, он быстро переключился на погоду.

– В Берлине всегда чуть холоднее, чем у вас, – сказала Мицци. – И этот климат меня больше радует, чем унылая погода в предгорьях западного Одевальда. Передай привет маме и Макс, пока, папа.

К трем пополудни ожидали визита окружного врача. Петра пришла домой чуть пораньше, чтобы и этот последний барьер был преодолен в ее присутствии. Свекор спал.

– Зачем еще какому-то доктору приспичило совать свой нос в это дело? – возмутился Макс.

– Затем, что от его экспертного заключения зависит, будет больничная касса оплачивать услуги по уходу целиком, частично или вообще не будет, – ответила мать. – Он опытный врач и сразу поймет, что в данном случае мы имеем дело с тяжелобольным в последней стадии.

Сама она в этом, похоже, не была уверена на все сто, поэтому нервно покашливала и поминутно выглядывала на улицу.

Окружной врач появился минута в минуту, выслушал от Петры короткое описание ситуации и лишь затем отправился в верхние покои.

– Добрый день, господин Кнобель, – четко выговаривая слова, поздоровался врач с больным. – До меня донеслись слухи, что вы приболели? Как вы себя сегодня чувствуете?

Старик бодро смотрел на врача с издевательской ухмылочкой и охотно вступил с доктором в разговор:

– Прекрасно, прекрасно. Вы же знаете: *medicus curat, natura sanat*¹⁴, – он был явно рад встретить наконец сведущего человека, который понимал латынь.

Петра успела шепнуть сыну в ухо перевод:

– «Врач лечит, природа исцеляет», или что-то вроде этого.

И, повернувшись к доктору, тихо проговорила:

– Последствия наркоза...

Обследовав больного, окружной врач пригласил Петру и Макса в соседнюю комнату, где, сев поудобнее, тщательно заполнил анкету. При этом он то и дело поднимал свою тяжелую голову, пытаясь получше изучить родственников больного.

– Он может самостоятельно есть или вы его кормите с ложки?

– Он отказывается от какой-либо пищи, – ответила Петра.

Макс старался не вступать в разговор, предоставил матери описывать состояние дедушки.

– Как бы вы охарактеризовали его характер: как радушный, восприимчивый, депрессивный или агрессивный?

– Скорее как тяжелый и рассудительный, – ответила Петра.

– В чем он лучше ориентируется: во времени или в пространстве?

¹⁴ Врач лечит, природа исцеляет (*лат.*).

– Нет, чаще всего он пребывает в полном замешательстве, а иногда его мучают галлюцинации.

Остальные вопросы были в том же духе. Когда доктор закончил, он попрощался и ушел.

– В скором времени вы получите письмо из больничной кассы, к которой относитесь, – сказал он на прощание, ни единым намеком не выдав собственной позиции.

– Смешные люди, – сказал старик Макс. – Сначала эта Гримхильда – *nomen est omen!*¹⁵ Потом этот шарлатан! Он даже пульс у меня не проверил! Впрочем, та блондинка, что вчера приходила, мне очень понравилась. Ну а сейчас время пудинга, надеюсь.

В общем и целом Макс придерживался того же мнения, что и дедушка. Прежде всего, конечно, в том, что касалось Йенни. Вопрос, сколько порций пудинга уже умял дедушка и правильно ли он делал, позволяя больному столько есть? А в общем-то, какая разница? Если человек при смерти, то надо исполнять все его желания. Вечером Петра обнаружила в мусорном ведре пустые стаканчики от пудинга и неодобрительно покачала головой. Как только с дедушкой все определится окончательно, она проследит, чтобы Макс регулярно ходил обедать в студенческую столовую.

На ужин была грюньколь из морозильника и жареная картошка с мясным паштетом. Словом, то, что никто из них троих не любил.

– Ну и? – приступил к расспросам Харальд. – Как дела у господина Кнобеля-старшего?

– Самое время тебе посмотреть самому, – довольно резко парировала Петра. – Пора тебе попрощаться с отцом, пока не поздно.

– Ты что, провидица? Может, он всех нас переживет!

– Не надейся, – возразила Петра. – Доктор Оффенбах говорит, если пациент отказывается от твердой и жидкой пищи, то больше недели он не протянет. А неделя твоего отца закончится через пару дней.

В этот момент Макс все-таки решил вставить слово:

– Дедушка пил воду.

Родители ошеломленно уставились на парня.

– Мы должны оставить его в покое, – сказала Петра. – Разве не ясно, что он не жилец на этом свете?

– Но если он хочет пить! – резонно возразил Макс.

Харальд покачал головой:

– Нет, серьезно?

Макс вскочил и выбежал прочь. Неужто родители замыслили уморить старика голодом и жаждой? На середине лестницы до него долетел слабый звук открывшейся двери. Он обернулся и махнул рукой Йенни, которая, в отличие от своей коллеги, ходила почти неслышно, в кедах.

Йенни была чуточку выше Макса и, наверное, чуть старше. Светлые волосы были заплетены в толстую косу. На ней был короткий розовый халат поверх белых брюк. До Макса долетел запах лаванды и недавно выкуренной сигареты.

– Привет, – сказал он.

– Как поживает твой дедушка? – спросила она в ответ. – Сегодня я попытаюсь посадить его на унитаз. Может быть, ты мне поможешь?

Старик не на шутку рассердился оттого, что Йенни с Максом усадили его на край кровати и затем перетащили на мобильный кресло-туалет. И когда он в конце концов устроился на стуле со спущенными штанами, то громко проревел:

– А теперь вон! Оба! Живо, живо!

¹⁵ Имя говорит за себя (*лат.*).

– Нам тут не до хороших манер, – проворчала Йенни и тем не менее направилась вслед за Максом к двери, которую, впрочем, лишь слегка прикрыла за собой, оставив щелочку.

– Я еще никогда не видел его голым, – признался Макс. – Ему, должно быть, зверски неловко...

– У старых людей это происходит не быстро, нужно подождать, – сказала Йенни. – Я даже успею покурить.

– Тебе можно?

– Если ты не возражаешь, – ответила девушка и прикурила сигарету. Пока Йенни курила, она ни на секунду не выпускала пациента из поля зрения.

– Это на случай, если его покинут силы, – пояснила санитарка.

– Тебе нравится то, чем ты занимаешься? – спросил Макс.

– Сперва я хотела пойти работать в полицию, – призналась Йенни, – но не сложилось.

– А я хотел изучать медицину. Но не исключено, что стану простым санитаром, ухаживающим за престарелыми.

– Добро пожаловать в клуб!

Выждав достаточно времени, они вернулись в комнату. У старика ничего не получилось, поэтому он пребывал в скверном расположении духа и был неласков.

– От вас несет табаком, – буркнул он молодым людям. – Если бы я выкурил сигарету, то и пищеварение наладилось бы.

Они снова переложили старика в постель, и он отдыхал, тяжело дыша. Йенни пошла в ванную и тщательно вымыла руки. Девушка высоко закатала рукава, и Макс обратил внимание, что оба ее предплечья украшали татуировки.

– Дракон и бабочка, – сказал он. – Оба умеют летать!

– Грехи молодости, – пояснила Йенни. – Когда у меня заведутся деньги, я их удалю.

– Зря, – сказал Макс. – Как думаешь, может, дать ему, в самом деле, сигарету? Родители, если узнают, побьют меня камнями!

– Им это видеть необязательно. А я не проболтаюсь. Расскажи лучше, каким человеком был твой дедушка? Я имею в виду, когда у него со здоровьем еще было в порядке...

– За последние два года он сильно состарился, целыми днями сидел, уткнувшись в телевизор, и постоянно ко всему придирался. Но пока была жива бабушка, он пребывал в довольно неплохой форме. Они вместе любили выезжать на прогулки, он много читал и иногда ходил с нами в кино. Раз в месяц они с бабушкой приглашали нас на обед. Бабушка здорово готовила, фрикадельки и жаркое из свинины. Или куриное фрикасе с рисом.

– А потом мороженое?

– Нет. Рыба! Точнее, ванильный пудинг в форме рыбы с вишневым вареньем из своего сада.

– Звучит аппетитно, – сказала Йенни и попрощалась.

Макс незаметно для себя начал насвистывать какую-то мелодию – у него было самое прекрасное настроение. Отныне Йенни будет появляться у них каждый вечер.

Пудинговая диета приносила плоды. На следующий день дедушка потребовал полноценный обед. Макс подумал, что неплохо было бы покормить его чем-то, напоминающим бабушкины блюда, и поэтому купил свежемороженые кёнигсбергские фрикадельки и полуготовое картофельное пюре в пакетике. Старик умял среднюю порцию, остатки доел Макс, сбоблив картошку большим количеством карри и перцем.

– Хотелось бы знать, кто оплачивает санитарку? – сладко потягиваясь, спросил вдруг Вилли Кнобель. По желудку разливалось приятное и теплое чувство сытости.

– По-видимому, все же больничная касса, то есть сработало страхование на случай потребности в постоянном уходе, – предположил Макс. – Но мы пока не знаем, к какой группе тебя определил окружной врач.

Старик некоторое время думал.

– А кто платит за мою еду?

До сих пор Макс расходовал деньги деда и ответил несколько уклончиво:

– Дедушка, в конце концов, ты живешь у своего сына!

Старик снова надолго погрузился в размышления.

– Я не допущу, чтобы меня содержал дипломированный инженер! Парень, сходи-ка ты в банк и сними для меня денег. Я выпишу тебе доверенность.

– Достаточно будет пин-кода или чека на оплату наличными, – робко произнес Макс, испуганно посмотрев на деда.

Вилли Кнобель не доверял кодам и чекам, к которым кто угодно мог приписать нолик.

Вечером Харальд едва не налетел у входной двери на незнакомую женщину, которая в этот момент вынимала из кармана толстую связку ключей и явно намеревалась с их помощью войти в дом.

– Привет, я Йенни, – сказала она, глядя на него сияющими глазами.

Совершенно растерянный и ничего не понимающий Харальд против воли изобразил на лице встречную улыбку. Лишь потом он обратил внимание на белые брюки и догадался, кто она такая. Вот до чего дошло: совершенно чужие люди носят в кармане ключи от их дома! И все же он не посмел перейти на грубый тон с такой молодой и такой веселой женщиной.

– Вашему отцу с каждым днем все лучше, – продолжала беспечно болтать Йенни, когда они вместе вошли в прихожую. – Ваш сын тоже постарался, он так трогательно ухаживает за дедушкой.

– Я полагал, что он при смерти, – изумился Харальд.

– Не беспокойтесь, – утешила его Йенни, – мы его еще поставим на ноги!

Больше Харальду Кнобелю нечего было сказать. С едва скрываемой злостью он повесил пальто и исчез в своем кабинете. Так они не договаривались! В нем все кипело. Он отправился в ванную вымыть руки после долгого трудового дня и налетел на подъемник для больного. Его собственный бритвенный прибор лежал на консоли рядом с французской водкой, жирным кремом и чашкой, в которой плавали вставные челюсти.

В ванной комнате с давних пор царил порядок в соответствии с традициями родительского дома Петры. Согласно учению Петры о красках, каждому члену семьи отводился личный цвет для полотенец, мочалок и даже банных халатов. Для себя Петра выбрала красный, для Харальда определила синий; позже, когда дети подросли, Мицци получила розовый, а Максу достался желтый. Естественно, со временем чистое учение было немного размыто. В доме стали появляться полотенца в полоску или с узором, которые Петра не могла не купить в силу женской привязанности к красивым и веселеньким вещам. Однако Харальд по натуре был консервативен и оставался при своем строгом синем. И тут он с неприятным удивлением обнаружил на стене новые крючки, на которых висели темно-синие мочалки для нижних частей тела и желтые – для верхних. Его личная мочалка висела совсем рядом с отцовской, и ее без труда можно было перепутать.

Из соседней комнаты доносился смех Макса и Йенни. Пахло сигаретами. Петра, похоже, еще не вернулась с работы – на кухне не горел свет. «Не беспокойтесь, мы его еще поставим на ноги!» Черта с два! Не хватало еще, чтобы отец выжил его из собственного дома!

В этот миг Харальда первый раз посетила мысль: нельзя ли как-нибудь поспособствовать папаше побыстрее упокоиться? Домашний врач посчитает само собой разумеющимся, что

пациент после длительного отказа от пищи быстро ослаб и мирно скончался. Но это только пока. Значит, нужно во что бы то ни стало помешать Максиму носить больному воду в постель.

6

Поздним вечером Харальд решился заглянуть в комнату Мицци, чтобы лично оценить состояние отца. На столе горела читальная лампа, старик не спал и при виде сына воскликнул:

– Поглядите-ка, к дедушке волк пожаловал!

– Как у тебя дела? – робко спросил Харальд. – Тебе здесь хорошо?

– *Ubi bene, ibi patria!*¹⁶ – последовал ответ.

– Я не понимаю латынь, – сказал Харальд, начиная раздражаться. – Это слишком высокий уровень для общения с сыном-неудачником.

На ночном столике Харальд заметил упаковку таблеток, стакан с водой, два пустых и один наполовину пустой стаканчик с пудингом. Некоторое время он хмуро, наморщив лоб, созерцал этот натюрморт.

– *Ubi* означает «где», а *ibi* – «там». Следовательно, где мне хорошо, там я чувствую себя дома, – перевел старик. – Собственно говоря, мне бы хотелось обратно в Доссенхайм, но вышло так, что меня волей-неволей перевезли сюда. В принципе, мне и у вас неплохо, разумеется, *cum grano salis*¹⁷. Из-за этой ведьмы Гримхильды¹⁸.

– Это еще кто такая?

– Ну, эта, баба-солдат, которая меня мучает по утрам. Маленькая, что приходит по вечерам, – та сущее золото. Она пришла, увидела и победила.

– Если тебе теперь стало получше, то ты мог бы перебраться в дом престарелых, там обслуживают наилучшим образом.

– Тьфу, пропасть! Все что угодно, только не это! Никто не сделает этого лучше, чем Макс и эта маленькая. Я останусь здесь. Ведь Мицци комната больше не нужна. В конце концов, она скоро выйдет замуж.

– А что будет с твоим домом?

– Я мог бы его сдавать, а доходы перевести на вас, так сказать, за кров и стол. Но если ты, несмотря ни на что, попробуешь от меня избавиться, я изменю завещание.

«Что-то новенькое или все та же старая песня на новый лад? – пытался понять Харальд. – Ну, погоди же, здесь пока еще за мной последнее слово!»

– Спокойной ночи! – сказал он вслух и практически неслышно бросил в сторону отца:

– Ну и тошнотворный же тип!

После чего быстро вышел.

Бедный Макс, наблюдавший всю сцену непосредственно из угла, казался настолько потерянным, что происходящее представилось ему чем-то почти нереальным, как в кино.

К тому моменту, когда Харальд укладывался в постель, его настроение стало хуже некуда. Он попробовал читать газету, но сознание отчего-то зацепилось за язвительную статейку, собственно, даже не статейку, а письмо читателя, в котором тот прошелся по неспособности городского управления, особенно отдела строительства подземных сооружений, решить накопившиеся задачи. Вдобавок куда-то подевалась Петра, и эта мысль надоедливо возвращалась снова и снова. Лишь около полуночи он вспомнил, что у нее сегодня чтения какой-то известной авторши, – и как только вспомнил, Петра вошла в дверь.

– Почему ты не пришел? – бросила она ему с упреком и пинком отправила сапоги в угол. – Все спрашивали о тебе! Ты в самом деле многое пропустил, она была просто великолепна.

¹⁶ Где хорошо, там и родина (*лат.*).

¹⁷ Здесь: с известной оговоркой (*лат.*).

¹⁸ Вероятно, старик имеет в виду древнеисландскую «Сагу о Гримхильде Трюгвдоттир».

Потом мы были у итальянца, вот там ты бы нашел, о чем поговорить! Жаль, что Макс появился слишком поздно, но он по крайней мере помог нам перенести складные стулья в подвал.

Она не сказала, что за эту работу Макс получил сотенную.

Харальд принял ее упреки за агрессию.

– Как было приказано, я приглядывал за отцом, – сказал он. – Думаешь, мне это доставило удовольствие?

Он взял ложечку и жидкий транквилизатор, который ему выписал доктор Оффенбах. Нужно было принимать всего по несколько капель, чтобы только быстро заснуть и наутро чувствовать себя отдохнувшим. Затем погасил свет. И Харальду приснился сон, будто он сидит с исхудавшим до костей отцом, и они пьют коньяк. Громкий вздох жены прервал его видение. Он проснулся, но накапать второй раз успокоительного не решился. Так и проворочался до утра, мучимый всевозможными мыслями, которые кружились и лезли в голову со всех сторон.

Старик почти никогда не пил пива, которое называл баварским пролетарским пойлом. По воскресеньям они с женой неизменно выпивали по паре бокалов вина, но после ее смерти он это делать перестал и потихоньку отвык от аристократических напитков. Из его жизни ушла хорошая еда, под которую ими уместно насладиться. Тем не менее против виски, водки, шнапса или сливянки Вилли Кнобель не возражал. «Лучше всего греет не курточка, а сто грамм внутрь», – любил он повторять эту довольно грубую остроту. И дело у него не отставало от слова: он употреблял «согревающее» регулярно, и отнюдь не в ограниченных количествах.

Предложите ему его любимый напиток, и он точно не откажется. А что, если немножечко обогатить букет – скажем, капнуть в рюмку снотворного, – старик и вовсе ничего не заметит. В его годы продолжительный и глубокий сон вполне может перейти в вечный.

Родители уже давно отправились на работу, когда в пятницу, примерно в девять утра, в прихожей послышались тяжелые шаги сестры Кримхильды.

– Самое время его искупать! – с ходу провозгласила она. – Для чего мы тогда устанавливали подъемник?

Макс пока просто наблюдал, как сестра открыла кран, чтобы наполнить ванну и придвинула подъемник к ее краю. При этом заученным тоном пробубнила что-то вроде краткого пояснения: пациенты без особого напряжения могут сесть на сиденье и затем медленно опуститься в ванну. Максиму было поручено следить за зарядкой аккумулятора подъемника и регулярно подзаряжать.

– Поскольку мы это делаем первый раз, не могли бы вы мне немного помочь? – попросила сестра. – Тут такое дело: поначалу он будет противиться. Но стоит чуть понежиться в теплой водичке, и он будет на седьмом небе от счастья. У стариков всегда так.

Как и ожидалось, дедушка встретил инициативу ожесточенным протестом.

– Я что, весь в дерьме, что меня нужно обмывать?! – негодовал старик.

Макса эта сцена развеселила, он не мог не согласиться с дедом. Разумеется, не так просто оказалось раздеть больного, скатить в ванну, да еще помыть. Но сестра Кримхильда была права: как только старик ощутил себя в теплой водичке, он смеялся, будто накормленный младенец.

– Оставим его на несколько минут поиграть в воде, – предложила сестра. – Вас я попрошу остаться с ним, а сама тем временем перестелю постель.

Макс поморщился:

– Воняет, как от мокрого пса!

– На сегодня достаточно, – решила санитарка. – Но с завтрашнего дня я начну потихоньку приводить его в боевую готовность. Каждый день он будет ходить на роляторе все больше и больше. Вот увидите, через пару недель ему будет достаточно одного костыля.

Бравая сестра Кримхильда ушла, оставив гору грязного белья.

– Я чувствую себя заново рожденным, – признался старик. – Но вот что странно: казалось бы, ванна – чистое наслаждение, но после срочно требуется вздремнуть.

– Прежде чем ты уснешь, скажи, что бы ты хотел сегодня съесть, – спросил Макс.

– Куриное фрикасе с рисом и в довершение сигару. Поскольку ты все равно пойдешь в магазин, прихвати для меня кроссворды, а то я постепенно начинаю скучать.

К обеду дед проснулся, с аппетитом поел и перешел к изучению брошюры с кроссвордами и прочими головоломками.

– Они так мелко печатают, что я едва различаю буквы, – пожаловался дед. – Тебе не попадались мои очки?

– Наверное, они остались в Доссенхайме. Если тебе они так нужны, я могу съездить и привезти.

– Еще бы не нужны! И коли ты там будешь, то возьми заодно деньги из сейфа, лучше все сразу. Мне будет спокойнее держать их при себе.

– А где лежит ключ? – лицемерно изобразил незнайку Макс.

Дедушка сказал, что ключ должен висеть под формочкой для пудинга.

– И сколько бабла ты там хранишь? – спросил Макс.

– Точно не помню, что-то около тысячи евро. Да, и еще: будь добр, привези мой телевизор. И загляни в почтовый ящик, он, наверное, переполнен!

– Что-нибудь еще?

– Мои сигары!

Хорошо уже то, что не придется отдавать все наличные, подумал Макс с облегчением. И все-таки, садясь в машину, он не мог подавить разочарования. Возможно, ему повезет найти в дедовском доме что-нибудь такое, что можно было бы продать по дешевке. Маловероятно, что старик когда-нибудь переступит порог старого дома. Помнится, над диваном висела картина маслом. Бабушка ее очень ценила. Возможно даже, что это кто-то типа Рембрандта. Эту мысль Макс быстро отогнал, так как отец сразу заметит пропажу. Надо поискать что-нибудь поменьше. Маленькие предметы не так бросаются в глаза.

Петра пришла домой усталая и была неприятно удивлена раздававшимся с верхнего этажа оглушительным шумом. Как была, в пальто, она устремилась наверх и ворвалась в комнату больного. Старик поднял спинку кровати в вертикальное положение и смотрел телевизор, держа пульт управления на вытянутой руке, будто колыт. Установленный на миниатюрном письменном столе Мицци телевизор орал на полную громкость.

Вилли Кнобель не заметил вошедшую невестку.

– Чертовы политики! «Продолжительный, продолжительный, продолжительный...» Что за дурацкое выражение? – выругался он вслух и переключился на другой канал.

Разъяренная Петра выключила телевизор и громко топнула:

– Так можно и мертвого разбудить! Как этот монстр здесь оказался?

В ванной Петра обнаружила груды грязного белья, среди которого затесалась и новехонькая банная простыня от Кензо, которую до сих пор никто не использовал. Рядом лежала записка: господину Кнобелю требуются три толстых флисовых костюма для запланированной мобилизации, пижама согревает его недостаточно. Привет, сестра Кримхильда.

– We are not amused¹⁹, – ворчливо буркнула под нос Петра.

Страшно представить, как мобилизованный старик в скором времени станет слоняться по всему дому. Мы так не договаривались, рассуждала она. Харальд совершенно прав, надо поместить его в какой-нибудь дом престарелых, будь он хоть за тысячу километров отсюда.

¹⁹ Не смешно (англ.).

Наконец Петра вспомнила, что неплохо бы переобуться в домашние туфли и поспешить на кухню. Только посмотрите, в обед Макс что-то готовил! Почему он этого никогда не делает для своих измученных работой родителей? И почему он не сложил грязную посуду в посудомойку? Почему только на ее плечах лежит обязанность каждый вечер подавать на стол горячую еду? Петра убрала кастрюлю из дорогой специальной стали в шкаф, перешла в жилую комнату, устроилась поудобнее на диване и включила новости.

Спустя некоторое время до ее слуха донеслись тихие шаги в прихожей. Она вскочила, приготовившись увидеть пытающегося ходить свекра, и уже представила, как он упадет. Резко распахнула дверь и увидела сына с Йенни. У обоих был такой вид, будто их застигли врасплох. Не хватало еще, чтобы Макс начал ворковать с санитаркой, как влюбленный голубок, и мешал ей работать.

И вообще, любовная сторона жизни детей развивалась совсем не так, как она себе представляла. Мицци еще в раннем возрасте объявила, что она лесбиянка, хотя отец по-прежнему считает это отклонение детской болезнью. А у Макса никогда не было постоянной подруги. Может, именно этого ему и не хватает, чтобы наконец повзрослеть. А что, если и он?.. Нет, ей не хотелось даже думать, что Макс тоже мог проявлять интерес к представителям своего пола. Да и то, что он флиртует с санитаркой, – неплохой знак.

Безошибочный материнский инстинкт подсказывал Петре, что между Йенни и Максом пробежала искра. Они собрались в кино. По причине рабочего графика Йенни могла ходить только на поздние сеансы, и после посещения последнего пациента ей еще предстояло отогнать на место служебную машину. Макс предстояло за ней заехать, так как своей машины у Йенни не было. Макс пребывал в возбужденном состоянии. Йенни охотно согласилась на его предложение, из чего он заключил, что у нее в настоящий момент не было постоянного приятеля.

Когда Харальд около восьми вечера входил в калитку, на него чуть было не наскочила спешащая Йенни. Она только что выполнила свои обязанности. Девушка опять улыбалась своей солнечной улыбкой и казалась самой невинностью, так что у него от растерянности едва не подкосились колени.

– Нелегкую профессию вы себе выбрали, – сказал Харальд приветливо. – Я бы не сумел!

– Зато ваш сын, – ответила девушка, – прирожденный медбрат по уходу за пожилыми!

– Вы так думаете? – переспросил Харальд, глубоко озадаченный таким суждением.

Девушка в ответ лишь пожала плечами, помахала рукой на прощание и пожелала хорошо провести выходные.

Он проводил ее взглядом до автомобиля службы по уходу и поглядел, как она искала в кармане жакета пачку сигарет.

Смущенно покачав головой, Харальд вошел в дом. Первое, что его поразило в столовой, это не накрытый стол. Тут же он увидел спавшую на диване жену. Телевизор работал впустую. На его вкус, рыжие волосы жены слишком резко контрастировали со светло-зелеными атласными подушечками. По напряженным чертам лица можно было безошибочно определить, что полувековой юбилей она отпраздновала не вчера. Харальд выключил телевизор, и она проснулась.

– Твой сын, похоже, интересуется этой Йенни, – сказала Петра вместо приветствия.

– Я тоже, – ответил Харальд в шутку и тут же понял, что задел самолюбие жены: на ее лице немедленно появилось страдальческое выражение.

Чтобы спасти то, что еще можно было спасти, он погладил ее по голове. Петра стряхнула его руку, встала и молча отправилась на кухню.

– Макс должен наконец вынести мусорное ведро! – прокричала она и поставила на огонь воду для лапши. В это мгновение с верхнего этажа вновь раздался угрожающий грохот – это старик включил ящик.

– Оставь, я сам к нему поднимусь! – крикнул Харальд, достал из шкафа бутылку коньяка, одну коньячную рюмку и пошел вверх. Молча выдернул вилку из розетки. Отец повернулся к сыну, с удивлением наблюдая за его действиями.

– Тебе нужно смотреть телевизор в наушниках, – сказал Харальд, – иначе мы все оглохнем! Но прежде чем ты начнешь волноваться, выпей глоток.

С этими словами он наполнил рюмку до краев и протянул отцу.

– Вообще-то сперва принято говорить «Добрый вечер», – решил наставить сына старик, но предпочел сразу приняться за коньяк. – Замечательно! Вот чего мне давно не хватало. Ты мог бы предлагать мне рюмочку каждый вечер.

– Договорились, – пообещал Харальд, удивляясь про себя, насколько легко решаются некоторые проблемы.

Старик благоговейно держал почти пустую рюмку на свету:

– Золотой кубок, как в «Короле Фуле»!

И процитировал:

Когда он пил из кубка,
Оглядывая зал,
Он вспоминал голубку
И слезы утирал²⁰.

Чуть позже Петра позвала всех к столу. Макс был тут как тут.

– Надо вынести мусорное ведро, – поздоровалась она с сыном. – Сколько мне еще повторять?! Я вообще не вижу, чтобы ты учился или выполнял хотя бы минимум работы по дому! Давай-ка, ты не переломишься, если принесешь из ванной грязное белье дедушки.

– Я собирался это сделать, но ты всегда меня опережаешь, – сказал Макс, наваливая себе лапши на тарелку.

– Собирался. Собирался, собирался! Как это нам знакомо! Завтра я приготовлю список дел, которые нужно сделать. Если уж ты покупаешь для дедушки, то сможешь и для всех нас.

Макс пообещал все исполнить. В этот момент никто и ничто не могло испортить ему настроения. Он предвкушал вечер в кино с Йенни.

²⁰ Гёте И.В. Фульский король / Перевод Б. Пастернака.

7

На следующий вечер старик к приходу Харальда заснул самостоятельно, не дав повода налить успокоительный глоточек. Но в воскресенье вечером при появлении сына он снял наушники, предоставленные Харальдом из личных вещей, и жалобно посмотрел ему в глаза:

– *Sic transit gloria mundi*, вот так проходит слава мира! Сегодня у меня как-то нехорошо на душе.

– Рюмочка коньяку, и мир снова станет лучше, – предложил Харальд, заманивая старика уже наполненной рюмкой.

– Поставь на ночной столик, – сказал Вилли Кнобель. – Я дождусь окончания новостей.

Решив главный для себя вопрос, старик снова нацепил наушники и потерял всякий интерес к посетителю. Харальду ничего не оставалось, кроме как выйти, хотя он предпочел бы, чтобы старик осушил рюмку в его присутствии. Прежде чем забраться в постель, Харальд все-таки заглянул к отцу в больничную комнату через открытую дверь. Внутри было удушливо и темно, отец дышал глубоко и, по-видимому, крепко спал, насколько можно было догадаться без света. Похоже, что его план действовал. *Tabula rasa*²¹, подумал Харальд. Кое-что из латыни и он знал. Как там заканчивается «Король Фуле»? «И больше не пил он».

На следующее утро Харальду предстояло выйти на работу пораньше, так как у него была назначена встреча в одном из ближайших районных центров. Он весьма удивился, застав Макса на кухне за приготовлением завтрака. На святом для Петры серебряном подносе были чашка кофе, булочки с мармеладом, молочник, сахарница, солонка и сваренное яйцо.

– Для дедушки, – с ходу пояснил Макс. – В последнее время он явно стал поправляться, потому что уплетает чуть ли не больше меня.

«С этим теперь покончено, – думал Харальд. – Надеюсь, никто не сможет добудиться его к этому завтраку. И все же неплохо бы увеличить дозу. Если Макс сейчас обнаружит мертвое тело, как будущий медбрат по уходу за престарелыми, он должен справиться».

Харальд сунул яблоко в портфель и вышел из дому.

Петре особенно спешить было некуда, лавка открывалась только в девять. Перед уходом она успела встретиться с сестрой Кримхильдой, не услышать которую было просто невозможно. Но лучше уж так, чем манера Йенни бесшумно подкрадываться.

²¹ Чистая доска (лат.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.